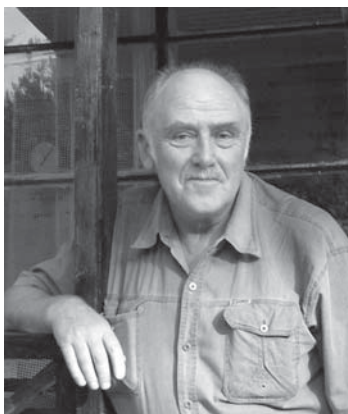

НИКИТА ВЛАДИМИРОВИЧ ГУРОВ (15.06.1935–04.12.2009)

К моменту, когда этот сборник увидит свет, исполнится уже три года с того дня, когда мы потеряли Никиту Владимировича. Но кажется, что это случилось недавно. Иногда мы так же остро, как в те дни, ощущаем боль утраты, но в то же время мы продолжаем вести с ним диалог, и он, как прежде, говорит с нами, чему свидетельством могут быть хотя бы его статьи, посмертно публикуемые в Зографских сборниках. В памяти всех, кто знал Никиту Владимировича, остается живым его благородный и необычайно обаятельный образ.

Н.В. Гуров был редким в наше время человеком, воспитанным в добрых старых традициях высокой русской (и конкретно петербургской) культуры. Он считал неприличным рассказывать кому-нибудь без крайней необходимости о своих предках, хотя ему было чем гордиться: упомянем здесь только, что его отец, Владимир Алексеевич Гуров (1892–1947) был выдающимся ученым-радиотехником, продолжателем дела А.С. Попова и одним из пионеров отечественного «дальновидения» (телевидения). Ни о ком от Никиты Владимировича нельзя было услышать худого слова (разве что едкую шутку), в общении он был приветлив и доброжелателен со всеми без различия, всегда готов прийти на помощь. У него просто не могло быть врагов, за исключением, пожалуй, завистников. Для нашего нынешнего общества, разди-

раемого непримиримыми противоречиями, Никита Владимирович был живым уроком, поскольку ставил выше всего добрые человеческие отношения и мог на протяжении многих лет поддерживать тесное дружеское и деловое общение с людьми, казалось бы, противоположными ему по своим политическим или философским взглядам.

В последние годы Никита Владимирович стойко боролся с болезнью. При этом он ни разу не позволил недугу хоть в малой степени помешать главному его делу — занятиям со студентами. За день до кончины он еще читал лекции на кафедре. И почти никому и никогда он, в силу своих принципов, не жаловался на состояние здоровья; вот почему его внезапный уход стал для всех трагической неожиданностью.

Из-за полного отсутствия тщеславия Никита Владимирович не заводил архива (остались только горы разрозненных исписанных листков бумаги) и никогда не составлял списка своих опубликованных работ. Может быть, поэтому до сих пор его научная деятельность не получила должной оценки. В биографической справке о Н.В. Гурове на сайте СПбГУ сказано, что им опубликованы при жизни 30 научных работ. Ниже мы приводим список опубликованных трудов Никиты Владимировича, составленный по материалам его домашней библиотеки, а также по итогам поиска в периодике и сборниках статей. В этом списке, как вы можете видеть, более 80-ти названий, и, несомненно, список еще будет пополняться. Для университетского ученого, поглощенного преподавательской деятельностью и повседневной жизнью факультета (Н.В. Гуров, в частности, много лет активно работал в профбюро), это немалый список, свидетельствующий об интенсивных занятиях наукой. Опираясь на него, постараемся дать здесь краткий очерк жизненного и творческого пути Никиты Владимировича, отмечая основные направления его многосторонней научной деятельности.

Рожденный в Ленинграде, Н.В. Гуров здесь же пережил, уже в возрасте, о котором остаются воспоминания, первую блокадную зиму. В 1942 г. был эвакуирован вместе с матерью (Марина Алексеевна Гурова, урожденная Люце) в Молотовскую (Пермскую) область. Образование начал в 1943-м в Черновской сель-

ской школе Краснокатского района. В 1944 г. вернулся в Ленинград. По окончании школы, в 1953 г., поступил на первый курс кафедры индийской филологии восточного факультета ЛГУ.

Освоив в процессе обучения хинди, урду и санскрит, Никита Владимирович первоначально занимался в основном грамматикой хинди (название его дипломной работы — «Выражение субъектно-объектных отношений в хинди»), но затем у него появилась возможность ознакомиться с дравидийскими языками. В это время в Ленинград приехала из Индии профессор Муллумуди Адиллакшми, которая преподавала на кафедре разговорный и классический тамильский язык, а также читала историю тамильской литературы и фольклора. Параллельно она проводила факультативные занятия по своему родному языку — наименее у нас тогда изученному телугу [Костина, Смирнова 2009: 183]. Оценив способности и знания увлеченного новым предметом студента, М. Адиллакшми начала целенаправленно готовить его как специалиста по телугу. В аспирантуру при кафедре Никита Владимирович поступил в 1958 г. уже по специальности «Дравидийская филология».

Окончив в 1961 г. аспирантуру, Никита Владимирович сразу же занял должность ассистента кафедры и с 1962 г. приступил к преподаванию всего комплекса дисциплин на отделении телугу (фонетика, грамматика, древние и современные тексты, устная практика и переводы, курсы литературы телугу и сравнительной грамматики дравидийских языков). В 1960-х годах выходят его первые статьи по филологии телугу (см. № 2, 3, 5 в «Списке опубликованных работ»), а также написанный совместно с московским индологом З.Н. Петруничевой краткий очерк литературы телугу (№ 6).

В конце 1960-х Никита Владимирович входит в состав группы по дешифровке протоиндийской (хараппской) письменности, которую возглавлял Ю.В. Кнорозов. Группа работала на базе Ленинградского отделения Института этнографии. Именно Никита Владимирович создал лингвистическую базу дешифровки протоиндийского письма, предложив протодравидийскую языковую интерпретацию выявленных Ю.В. Кнорозовым устойчивых сочетаний (блоков) хараппских знаков.

В 1971 г. Н.В. Гуров защитил кандидатскую диссертацию «Некоторые проблемы лингвистической интерпретации протоин-

дийских текстов» (см. № 10 — автореферат), а до и после защиты опубликовал серию статей по протоиндийской тематике (№ 7–9, 11, 12, 18, 19). Протодравидийская атрибуция харашпской письменности, обоснованная у нас Н.В. Гуровым и Ю.В. Кнорозовым (впоследствии также М.Ф. Альбедиль), в Финляндии — группой А. Парполы и в Индии — А. Махадеваном, остается до сих пор наиболее правдоподобной гипотезой, которую, впрочем, можно будет считать доказанной лишь тогда, когда будут найдены значительные по объему тексты либо билингвы.

Параллельно Никита Владимирович участвовал (совместно с З.Н. Петруничевой и С.Я. Дзенит) в составлении и издании первого «Телугу-русского словаря» (№ 13, 14).

Отойдя в середине 1970-х гг. от занятий дешифровкой харашпского письма (см., однако: № 23, 45, 52, 76), Никита Владимирович обратился к более широкой проблеме этногенеза дравидов и роли дравидийского субстрата в формировании индийской цивилизации. Широкий резонанс имели такие его статьи на эту тему, как «Южнодравидийская легенда о прародине» (№ 21) или «К этимологии ведического *raṇi-* (вед. *raṇi-*, гонд. *raṇi-or*)» (№ 22, 74). Более поздняя статья Никиты Владимировича «Дравидийские элементы в текстах ранних самхит» (№ 30) вызвала заинтересованный отклик старейшины ведийских штудий в Европе, профессора Ф.Б.Я. Кёйпера, который в своей монографии «Арии в Ригведе», в последнем абзаце «Заключения», солидаризировался с мнением Н.В. Гурова о том, что «Ригведа» уже не была памятником «чисто арийским», оговорив, правда, что это справедливо по отношению к языку «Ригведы» и к этническому происхождению части ее создателей, но не к культуре, представленной этим текстом, поскольку творцы «Ригведы» называли «ариями» всех тех, кто совершали ведийские обряды и вообще следовали ведийской традиции [Kuiper 1991: 96].

Ф.Б.Я. Кёйпер также счел приемлемой предложенную Н.В. Гуровым этимологию имени ведийских *Пани* [Там же: 19]. В свою очередь Никита Владимирович в некоторых своих более поздних работах комментировал список иноязычной лексики в «Ригведе», составленный Кёйпером [Kuiper 1991: 90–93], и при-

шел на основе этого списка к выводам, имеющим большое значение для истории арийских миграций и проблеме генезиса индийской цивилизации (№ 53, 81).

В первой половине 1980-х годов вышли две статьи, написанные Никитой Владимировичем совместно с Г.М. Бонгард-Левиным. В этих работах (№ 23, 28) авторы применили для решения проблем протоиндийской цивилизации и этногенеза дравидов комплексный метод, успешно сочетающий данные лингвистики с данными истории и археологии.

Начало 1990-х годов отмечено выходом в свет ряда значимых работ Н.В. Гурова в области индологической лингвистики. Само по себе обращение редколлегии «Лингвистического энциклопедического словаря» к Никите Владимировичу с предложением написать статьи по всем основным дравидийским языкам уже свидетельствовало о признании его высшим отечественным авторитетом в этой области индологического языкознания. Образцовые статьи Н.В. Гурова (№ 36–42) вполне оправдали ожидания. В этот же период постоянные обсуждения с Г.А. Зографом проблем южноазиатского лингвистического ареала имели следствием их совместное выступление на конференции в Ужгороде (№ 43) и статью в главном лингвистическом журнале страны «Вопросы языкознания» (№ 44).

Как известно, востоковедение в СССР развивалось в значительной степени автономно, в отрыве от мировой науки. Научная литература из-за рубежа поступала в ничтожном количестве, выезд на международные конференции и общение с зарубежными коллегами допускались только для привилегированного меньшинства. При этом в Ленинграде ситуация была значительно хуже, чем в Москве. Многие востоковеды, изучавшие язык и культуру той или иной страны, никогда не ступали на ее землю. Никите Владимировичу в 1977 г. выпала большая удача: он был направлен на длительную стажировку в столицу телугуязычного штата Андхра Прадеш — Хайдерабад, где находится знаменитый Университет Османия.

Помню его настроение по возвращении оттуда и могу предположить, что это было, наверно, счастливейшее время в его жизни. Он установил дружеские и научные контакты с индийскими кол-

легами, такими, например, как выдающийся дравидолог-лингвист, профессор Бхадрираджу Кришнамурти. Открылась перспектива научного обмена между университетами, и, что было для него наиболее важным, достигнута договоренность о регулярной стажировке студентов отделения телугу кафедры индийской филологии Восточного факультете ЛГУ в Университете Османия. По возвращении домой Никита Владимирович сразу же стал готовить поездку первой группы студентов. И группа уехала; но тут советская действительность нанесла всем мечтам и планам жестокий удар. Один из посланных студентов назад не вернулся: остался в Индии, а потом перебрался на Запад. Стоит ли говорить, что после этого не было больше никаких студенческих поездок, да и сам Никита Владимирович на долгие годы оказался, как тогда говорили, «невъездным».

Остались от той поездки только незабываемые впечатления и некоторое количество привезенной из Андхры научной литературы на телугу, в числе которой были книги по местному фольклору и издания эпических сказаний. Наибольший интерес у Никиты Владимировича вызвал цикл эпических поэм «Сказания о Катама Радзу» (или «Сказание о Ядавах»). Понемногу Никита Владимирович занимался изучением этих сказаний, и из этого возникло еще одно направление исследований. Сопоставляя цикл сказаний о Катама Радзу с эпосами других деканских скотоводческих племен и каст («Сказание о Джунджаппе» в Карнатаке, эпос о Котрабайне и Рамеле в Западной Ориссе, сказания о пастушеских божественных героях Витхобе и Биробе у дхангаров Махараштры), он выявил общую сюжетообразующую модель и общий комплекс специфических мотивов, в том числе мотив священного стада как части племени и его основной боевой силы (стадо атакует и сокрушает врагов).

Все названные сказания деканских племен Никита Владимирович рассматривал как продолжения некоего пастушеского праэпоса, сформировавшегося примерно во II тыс. до н.э., в канун распада протоюжнодравидийского праязыка и, возможно, связанного с распространением на территории Декана пастушеского скотоводства, в частности — с археологической «культурой зольных холмов» (ash mounds). Он указывал также случаи проникно-

вения мотивов этого круга в тексты санскритской литературы («Атхарваведу» и эпос), а в последней (вышедшей уже посмертно, № 68) статье данной серии наметил некоторые связи между деканским пастушеским эпосом и тремя великими санскритскими эпопеями («Махабхарата», «Рамаяна», цикл сказаний о Кришне). Всего по этой теме увидели свет три небольшие статьи Никиты Владимировича (№ 50, 57, 69), все — в малотиражных изданиях на русском языке, в силу чего высказанные в них идеи остаются неизвестными подавляющему большинству индологов за пределами России (индийским ученым в том числе). Об этом можно только пожалеть, потому что эти работы Никиты Владимировича, бесспорно, открывают новые, увлекательные перспективы в изучении эпической поэзии народов Индии.

Еще одна область науки, в прогресс которой Никита Владимирович внес выдающийся вклад, — это история изучения Индии в России. Его первой работой по этой теме стали тезисы доклада о дравидийских глоссах в так называемом «словаре Екатерины II», опубликованные в 1972 г. (№ 15); много позднее, в 2000 г. вышла его большая статья об индийских глоссах того же словаря: как дравидийских, так и индоарийских (№ 54; ср. также № 56). В конце 1980-х годов статья Никиты Владимировича об Александре Порюсе-Визапурском — «индийском князе», сделавшем карьеру при Екатерине II и оставившем след в русской культуре павловского и александровского времени (№ 35; см. о нем же № 61), вызвала общее изумление тем, как автор — индолог по специальности — компетентно и свободно оперировал в ней материалами по истории русской культуры XVIII и начала XIX века. Аргументация изобретательна и предельно логично выстроена, выводы автора смелы, но убедительны: не случайно в наши дни эта статья помещена в Сети на сайте «Фундаментальная электронная библиотека “Русская литература и фольклор”», материалы для которой отбирают ведущие филологи страны.

Читатель может подумать, что за этой статьей, как и за другими такого рода статьями Никиты Владимировича, стоят годы, проведенные в архивах и библиотеках. Разумеется, он вел и любил такую поисковую работу, но ему в значительной мере облегчала труд фантастическая эрудиция. В детстве и юности он про-

читал, кажется, всю русскую литературу и множество книг по истории. При этом Никита Владимирович обладал в те годы уникальной, «фотографической» памятью, т.е. все прочитанное запомнил навсегда. Казалось, он в любой момент готов воспроизвести генеалогию любой сколько-нибудь известной русской исторической фамилии. Или прочитать от начала и до конца стихотворение любого на выбор малоизвестного, забытого поэта. Когда-то мы работали вместе в археологической экспедиции, куда некоторые сотрудники брали с собой детей. Вечером взрослые по очереди ходили в детскую палатку, чтобы почитать детям что-нибудь перед сном. Но дети всем чтецам предпочитали Никиту Владимировича, которого они, пораженные его памятью, называли «Коробочка стихов».

Немалое значение для истории российско-индийских связей в XVIII веке имеет предпринятое Н.В. Гуровым краткое описание рукописи из Отдела рукописей РНБ, озаглавленной «Речи для перевода по-индейски» и представляющей собой маленький русско-«индейский» разговорник, составленный академиком П.С. Палласом во время пребывания его экспедиции в Астрахани в 1773 г. Ранее сведениями о каком-нибудь интересе Палласа и его сотрудников к языку астраханских индийцев наука не располагала. Никита Владимирович не только впервые привлек к этой рукописи внимание исследователей, но и определил язык, на котором говорили индийские информанты Палласа, как сирайки, входящий в группу западнопанджабских (лахнда) языков (№ 58; см. также: [Вигасин 2008: 31–34]).

Наиболее интенсивно историей индологии Никита Владимирович занимался в последние годы жизни. В 2005 г. он инициировал и возглавил проект «Научное наследие первого русского индолога Г.С. Лебедева (1749–1817)», в котором участвовали как исполнители Е.К. Бросалина, Я.В. Васильков и Е.Р. Крючкова. С результатами работы группы по данному проекту за три года можно ознакомиться на сайте Института лингвистических исследований РАН: <http://iling.spb.ru/projects/lebedev.html> (см. также № 60, 62, 65). Никита Владимирович не только планировал всю работу и привел ее к успешному завершению; он передал участникам свой энтузиазм, в результате чего группа продолжала ис-

следования по окончании грантового проекта. Продолжаем мы их и сейчас, уже без Никиты Владимировича. Но фундамент строящегося здания был заложен именно им, его собственными, задающими тон и общее направление работами.

В частности, Никита Владимирович выявил в лебедевской тетради из архива П.П. Вяземского (РГАЛИ. Ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6081) среди материалов, относящихся к задуманному Лебедевым русско-бенгальско-«индостанскому» разговорнику, связный текст, представляющий собой перевод с английского на русский, бенгальский и «индостанский» ряда стихов из библейской «Книги Екклесиаста». Как установлено Никитой Владимировичем, этот текст, относящийся к 1790–1795 гг., представляет самый ранний образец перевода текста из Ветхого Завета на новые индоарийские языки (см. № 59 и электронный ресурс http://iling.spb.ru/projects/lebedev/gurov1_tronsky10.pdf). Материал этой статьи может дать поиску фактов биографии Лебедева новое направление, если принять во внимание, что в 1793 г. в Калькутту прибыл очень известный впоследствии баптистский миссионер Уильям Кэри (William Carey), который сразу приступил к изучению бенгали и изготовлению бенгальского типографского шрифта, имея конечной целью перевод на этот язык Библии. Возникает вопрос: не связаны ли каким-либо образом лебедевские переводы на бенгальский фрагментов «Екклесиаста» с деятельностью Кэри, которая несколько позже вылилась в знаменитый «Серампурский проект» по переводу на языки Индии священных текстов христианства?

Именно Никита Владимирович обнаружил, что изданное Лебедевым в виде брошюры небольшое стихотворение, набранное бенгальским шрифтом, транскрибированное в кириллице и переведенное на русский, представляет собой не «бенгальские стихи», как ранее было определено М.Г. Альтшуллером, а стихи на чистом санскрите. Затем выяснилось, что это — известный текст («Мохамудгара» — «Молот, дробящий заблуждение»), принадлежащий великому индийскому философу и религиозному реформатору Шанкаре (Шанкара-ачарье), жившему на рубеже VIII и IX веков. Перед нами, таким образом, не только, как писал М.Г. Альтшуллер, «первая в России попытка напечатать произве-

дение индийской художественной литературы, переведенное с языка оригинала», но и первый русский перевод непосредственно с санскрита (см. № 63).

К подлинному прорыву в изучении лебедевского наследия привело сформулированное Никитой Владимировичем еще на первом этапе работы по проекту предположение о том, что сама поездка русского музыканта в Индию за знаниями об индийской религии и культуре могла быть инспирирована цесаревичем Павлом Петровичем и «просвещенными вольнодумцами масонами» из его ближайшего окружения — А.Б. Куракиным и С.И. Плещевым (см. № 60). Дальнейшие разыскания показали, во-первых, что почти все русские корреспонденты и покровители Лебедева принадлежали к масонским кругам, а во-вторых — что последовательно проводившееся Лебедевым отождествление индуизма с христианством, которое раньше объясняли либо его наивностью, либо напротив хитростью (стремлением «замаскировать» индуизм под христианство), в действительности наилучшим образом объясняется, исходя из базовых принципов мировоззрения эпохи Просвещения в его масонском варианте (см. № 64, 66, 67, 70). Предположение о просветительско-масонской основе мировоззрения Лебедева, высказанное Никитой Владимировичем как «в значительной степени гипотеза», в последние годы получило, как он того и ожидал (№ 67: 126), «подкрепление дополнительным фактическим материалом» (см. статью автора этих строк в настоящем сборнике).

Отдавая должное научным достижениям Никиты Владимировича, необходимо иметь в виду, что он мог обращаться к научной работе только тогда, когда не был занят своим главным делом — преподаванием. Университет, факультет, кафедра всегда оставались для него высшими приоритетами. Когда у него начались проблемы с голосовыми связками, Никита Владимирович, вопреки ожиданиям окружающих, не только не сократил количество лекций, но предельно интенсифицировал занятия с группой телугу, подчас читая, с напряжением, почти шепотом, по две-три «пары» подряд. Многим такая самоотверженность и пренебрежение собственным здоровьем могли показаться в ту пору неоправданными. Однако достигнутые результаты убеждают нас сейчас

в обратном. Никита Владимирович довел группу телугу до выпуска, озаботился по мере возможности трудоустройством выпускников. Сейчас преподавание филологии телугу на Восточном факультете продолжается. Недавно состоялась успешная защита кандидатской диссертации ученицей Никиты Владимировича (см.: [Танонова 2011]); можно ожидать и других подобных защит в будущем. На наших глазах происходит, как кажется, становление петербургской школы филологии телугу, основанной Никитой Владимировичем Гуровым.

В Зографских чтениях (некогда называвшихся «Расширенными заседаниями Сектора Южной и Юго-Восточной Азии ЛО ИВ АН СССР по теме “Проблемы интерпретации традиционного индийского текста”») Никита Владимирович участвовал с момента основания и каждый год непременно. В памяти остается целый ряд его ярких, всегда интересных докладов; но, к сожалению, от многих не осталось даже тезисов. Тем не менее поднятые Никитой Владимировичем вопросы по-прежнему обсуждаются на наших заседаниях, и многим его идеям, несомненно, суждены долгая жизнь и плодотворное развитие в российской индологии.

Я.В. Васильков

Библиография

Вигасин А.А. Изучение Индии в России (Очерки и материалы) / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. М.: издатель Степаненко, 2008.

Костина Е.А., Смирнова Е.В. Изучение «живых» индийских языков в Санкт-Петербурге // Санкт-Петербург — Индия: история и современность. СПб.: Европейский дом, 2009. С. 170–195.

Танонова Е.В. Главная героиня древнеиндийского эпоса «Махабхарата» и эпоса телугу. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.

Kuiper F.B.J. Aryans in the Rigveda. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1991.